

Olena Jaworska

Muzeum Literatury w Odessie

ГОРОД И МОРЕ В ПОЭЗИИ СЕМЕНА КЕСЕЛЬМАНА

Семен Кесельман (Эскесс) принадлежит к ряду одесских поэтов, на долгое время вычеркнутых из истории одесской литературной школы 1920-х годов. О нем, о его стихах вспоминали, но вскользь, мимоходом. В дневниковых записях Юрия Олеши, которые полностью будут опубликованы только в 2006 г., есть запись:

4/VIII-29 г.

Также был еще в Одессе поэт Семен Кесельман, о котором среди нас, поэтов, более молодых, чем он, ходила легенда, что его похвалил Блок...

Этот Кесельман, тихий еврей с пробором лаковых черных волос, в коричневом костюме, писал:

Мы... (забыл слово; ямб...)
Мы (та-та, та-та), мы простые,
но знает кормчий наш седой,
что ходят по морю святые
и носят звезды над собой!¹

Затем в 1936 г. Зинаида Шишова в очерке о Багрицком цитирует эпиграмму:

Об одесском поэте Семене К., который появлялся в обществе исключительно об руку с мамашей, Эдя [Багрицкий – А.Я.] написал:

Мне мама не дает ни водки, ни вина,
Она твердит: вино бросает в жар любовный,
Мой Сема должен быть, как камень, хладнокровный,
Любить родителей и не кричать со сна².

В 1947 г. о Кесельмане вспомнят в Америке. Александр Биск, поэт и переводчик, выступая с докладом об одесском Литературно-художественном

¹ Ю. К. Олеша, *Книга прощание*, Москва 1999, с.115. Неточная цитата из стихотворения «Святой Николай (Прибой утих, молитесь Богу...)

² З. Шишова, *1917–1921 годы*, Эдуард Багрицкий: Альманах под редакцией Влад. Нарбута, Москва 1936, с. 198.

обществе, упомянет о работе с молодыми поэтами, назовет Эдуарда Багрицкого, Веру Инбер и с сожалением отметит

Не все молодые писатели вышли на большую дорогу. Очевидно, кроме таланта, нужно и счастье и ловкость и умение показать себя. Что стало, напр. с Семеном Кесельманом, очень талантливым молодым поэтом, которого я лично ставил выше всех остальных. Он прекрасно умел передать чувство одиночества в большом городе. Его образы были неожиданными, но убедительными. Одно стихотворение начиналось так:

Я жду любви, как позднего трамвая.
Это смело, но если вдуматься – как это хорошо³.

Вернет имя Кесельмана для широкого читателя в 1977 г. Валентин Катаев. В его повести «Алмазный мой венец» Семен Кесельман выведен как «эскесс». Именно так Кесельман подписывал иронические стихотворения в журналах и газетах в 1910-е гг.

Катаев обильно цитирует строки из стихотворений Кесельмана («Зимняя гравюра», «Агнесса», «Святой Николай (Прибой утих, молитесь Бога...)») и дает достаточно полную биографию поэта.

Он был, эскесс, студентом, евреем, скрывавшим свою бедность. Он жил в большом доме, в нижней части Дерибасовской улицы, в «дорогом районе», но во втором дворе, в полуподвале, рядом с дворницкой <...>. Он жил вдвоем со своей мамой, вдовой. Никто из нас никогда не был у него в квартире и не видел его матери. Он появлялся среди нас в опрятной, выглаженной и вычищенной студенческой тужурке, в студенческих диагональных брюках, в фуражке со слегка вылинявшим голубым околышем. У него было как бы смазанное жиром лунообразное лицо со скептической еврейской улыбкой.

Он был горд, ироничен, иногда высокомерен и всегда беспощаден в оценках, когда дело касалось стихов. Он был замечательный пародист <...>.

Он был поэт старшего поколения, и мы, молодые, познакомились с ним в тот жаркий летний день в полутемном зале литературного клуба, в просторечии «литературки», куда Петр Пильский, известный критик, пригласил через газету всех начинающих поэтов, с тем чтобы, выбрав из них лучших, потом возить их напоказ по местным лиманам и фонтанам, где они должны были читать свои стихи в летних театрах.

Эскесс уже тогда был признанным поэтом и, сидя на эстраде рядом с полупьяным Пильским, выслушивал наши стихи и выбирал достойных.

<...>

Я думаю, он считал себя гениальным и носил в бумажнике письмо от самого Александра Блока, однажды похвалившего его стихи.

³ А. Биск, *Одесская Литература. Дом князя Гагарина*, Выпуск 1, Одесса 1997, с. 150. Биск цитирует стихотворение «Я жду».

Несмотря на его вечную иронию, даже цинизм, у него иногда делалось такое пророческое выражение лица, что мне становилось страшно за его судьбу.

<...>

Одно из его немногочисленных стихотворений (кажется, то, которое понравилось Блоку) считалось у нас шедевром. Он сам читал его с благоговением, как молитву:

«Прибой утих. Молите бога, чтоб был обилен ваш улов. Трудна и пениста дорога по мутной зелени валов. Все холодней, все позже зори. Плывет сентябрь по облакам.

Какие сны в открытом море приснятся бедным рыбакам? Опасны пропасти морские. Но знает кормчий ваш седой, что ходят по морю святые и носят звезды над водой»...

<...>

...еще там упоминался святой Николай с темным ликом и белой бородой, покровитель моряков и рыбаков...

Настало время, и мы все один за другим покинули родовой город в поисках славы. Один лишь эскесс не захотел бросить свой полуподвал, свою стареющую маму, которая привыкла, астматически дыша, тащиться с корзинкой на Привоз за скумбрией и за синенькими, свой город, уже опаленный огнем революции, и навсегда остался в нем, поступил на работу в какое-то скромное советское учреждение, кажется даже в губернский транспортный отдел, называвшийся сокращенно юмористическим словом «Губтрамот», бросил писать стихи и впоследствии, во время Великой Отечественной войны и немецкой оккупации, вместе со своей больной мамой погиб в фашистском концлагере в раскаленной печи с высокой трубой, откуда день и ночь валил жирный черный дым... Впрочем, это не подтвердилось. Он умер собственной смертью перед самой войной⁴.

Подлинную биографию Кесельмана восстановил одесский исследователь Сергей Зенонович Лущик, которому вдова поэта Милица Заркова отдала в начале 1970-х гг. небольшой семейный архив⁵.

Семен Иосифович (Осипович) – родился 14 июля 1889 года в Одессе, там же и скончался 9 августа 1940 года. Его отец, купец 2-1 гильдии, был выпускником Одесского коммерческого училища, мать Ольга из семьи известного еврейского поэта и драматурга, создателя еврейского театра в России Абрама Гольдфадена. Он учился в 5 мужской гимназии, которую окончил в 1908 г. с золотой медалью. Во время ремонтных работ в конце

⁴ В. Катаев, *Алмазный мой венец*, Кишинев 1986, с. 287-290. В журнальном варианте В. Катаев писал о гибели в гетто, изменения в тексте появились в следующих изданиях, исправления были после писем одесситов автору о судьбе Кесельмана.

⁵ С.З. Лущик, *Одесский «Крокодил»*, «Альманах библиофила», Москва 1981, Вып. 10, с. 254-264; Одесский журнал «Крокодил» и его авторы: [статья], Одесский журнал «Крокодил» и его авторы: сборник/сост. Т. Щурова. – Одесса, 1998, 229-310; Чудовпустыне: Одесские альманахи 1914-1917 годов, Дом князя Гагарина, выпуск 3, т. 1, Одесса, 2004, с. 166-236; С. Лущик при участии О. Барковской. Семен Кесельман. Вкн. С. Кесельман. *Стекланные сны*, Одесса 2013, с. 191-220.

1980-х гг. в здании гимназии (ныне Одесский аграрный университет) была найдена «Тетрадь для записывания уроков ученика 1 класса Кесельмана Семена на 1900-1901 учебный год»⁶.

В 1909 Кесельман со второй попытки поступил на юридический факультет Новороссийского университета, который окончил в 1914 г. Писать стихи он начал еще в гимназии, издавал и редактировал рукописный гимназический журнал «Набат», самая ранняя рукопись датирована 1904 г. С 1911 года, еще студентом университета, начал публиковаться – в газете «Одесское слово», с декабря 1911 в юмористическом журнале «Крокодил».

Кесельман четко разделял лирические и юмористические публикации. Под лирическими полная подпись автора: «С. Кесельманъ». Другие публикации подписаны инициалами С.К-нь, С.К., К. или псевдонимом «Эскессъ» (сокращения: Э-сь, Э.). Расцвет творческой активности и популярности Кесельмана пришелся на 1912–1914 годы. Его стихи и, реже, проза и рецензии, появлялись в газетах «Южная мысль» (1912–1914), «Одесское обозрение театров» (1912–1915), «Одесские новости» (1913–1917).

Писатель Ефим Зозуля в серии характеристик-пародий на одесских писателей «Большие и малые» уделяет внимание и Кесельману.

С. Кесельман. Студент. Пишет нежные, задумчивые, покорно-тонкие и очень художественные стихи. Остроумен. Очень мнителен. Очень боится простудиться, а также испачкать новое пальто⁷.

В 1913 стихи Кесельмана появились на страницах первого (и единственного) номера «Молодого журнала». В рецензии Георгий Цагарелли дает развернутую характеристику поэта:

С. Кесельман не нашел еще себя, круга своих наблюдений. Он берет темы своих стихотворений из жизни различных стран и эпох: вот его прекрасный сонет «Колокола» из цикла «Средневековье», вот пьеса «Из Турции»... в его стихах можно найти все признаки наличности поэтического темперамента и художественного чутья... Обстановка поэзии С.Кесельмана: вечер, сумерки... я люблю стихи за их нежность, временами доходящую до сентиментальности, за тонкий, покрытый полупрозрачной дымкой, рисунок. <...> С.Кесельман умеет работать над стихом, строфы его пьес изящны, музыкальны. Радует поэт своим знакомством с тайнами ритма, умением для каждой темы находить подходящий размер⁸.

⁶ Тетрадь находится в частной коллекции.

⁷ Е. Зозуля, *Большие и малые (Портреты и шаржи)*, «Одесский понедельник», 1913, 19 августа.

⁸ Г. Цагарелли, *Литературные заметки о четырнадцати*. «Иллюстрированное приложение к газете «Южная мысль», 1913, 13 марта.

В 1914 году Кесельман вошел в число авторов первых одесских поэтических альманахов – «Шелковые фонари» (вышел в марте) и «Солнечный путь» (май), активно участвовал в июне в организации кружка молодых поэтов, основанном критиком Петром Пильским (в состав кружка входили Валентин Катаев, Эдуард Багрицкий, Анатолий Фиолетов). В рецензиях на «Шелковые фонари» критики отмечали:

Наименее претенциозен и зато свеж и ароматен в своих стихах Семен Кесельман⁹.

... выделил бы прежде всего Семена Кесельмана, поэта ясно чувствуемой индивидуальности и верных, думается, обещаний¹⁰.

26 апреля 1916 года в Литературно-художественном клубе состоялся вечер поэтов; выступали Эдуард Багрицкий, Исидор Бобович, Александр Горностаев, Вера Инбер, Петр Сторицын, Анатолий Фиолетов и Семен Кесельман. На вечере присутствовал бывший в Одессе проездом И.А.Бунин. Кесельман читал «Рыбачью песню», «Праздник» и «Андерсена»¹¹. Стихи Кесельмана в годы гражданской войны публиковались в одесских журналах «Южный огонек», «Огоньки», «Фигаро», «Мельпомена».

В 1918 г. о нем писали так:

Сем. Кесельман – мечтатель, чье сердце навсегда ранено обманчивой тоской и опасной печалью вечерней. Это – настоящий лирик, нежный и тонкий, простой и грустный¹².

Последняя известная публикация датирована маем 1922-го (стихотворение «1793 год»)¹³. Последнее же упоминание имени Кесельмана в прессе – и информация о его последнем публичном выступлении – февраль 1923 года. Из рецензии Эдуарда Багрицкого на вечер Южного товарищества писателей:

...За исключением доклада Бархина... и стихов Семена Кесельмана, в которых чувствуется настоящее поэтическое благородство, об остальном ничего положительного сказать нельзя¹⁴.

⁹ К-ов Л. [Камышников Л.] «Шелковые фонари»: сборник молодых поэтов-одесситов, «Южная мысль», 1914, 10 марта.

¹⁰ Библиография. Шелковые фонари <...>, «Одесский листок», 1914, 10 июня.

¹¹ Отчет правления Литературно-Художественного клуба за 1916, Одесса 1917, С. 12-13.

¹² С.Р-ский. Вечер «кружка одесских поэтов», «Одесский листок», 1918, № 66, 10 апр. (28 март.). – С. 4.

¹³ С. Кесельман, 1793 год. «Новь», 1922, № 1, май.

¹⁴ Э. Багрицкий, Вечер Южного товарищества писателей, «Известия», Одесса, 1923, 2 февр.

В советской трудовой книжке Кесельмана отмечено единственное место работы – Гостиничный трест, где он проработал в должности юрисконсульта-секретаря с 1 октября 1927 по 14 марта 1939-го¹⁵. По словам его жены Милицы Зарковой

Кесельман отошел от литературы, не желая приспособиваться к официальной идеологии, говорил, что бросил писать стихи, так как при новой власти его поэзия не могла существовать, как и стихи Ахматовой. Заркова рассказывала, что муж читал ей какие-то юмористические стихи, посвященные неурядицам 20-х годов, и смогла процитировать две строчки из одного: «Но хлеб нельзя было достать / Ни через Е, ни через ЯТЬ»¹⁶.

М. Заркова хранила архив поэта, но во время оккупации, опасаясь обыска, уничтожила письма, большинство фотографий и документов. В те же годы она сняла табличку с могилы поэта, боясь осквернения. Памятник на могиле был восстановлен в начале 2000-х г. Как уже упоминалось, архив был передан Сергею Луцику. В 2013 появилась возможность издать по материалам архива книгу стихов «Стеклянные сны»¹⁷.

В наследии Кесельмана много стихов о городе. Часть из них – о городе средневековом, достаточно вымышленном и, скорее, немецком, с готической архитектурой. Одесса в его стихах разделена на две – нынешнюю и давнюю, времен первых десятилетий девятнадцатого века. И если современный город – мрачная картина, царство пошлости, уныния, тоски, то прошлое – яркое, солнечное, пряное.

Красный переулок
(Старая Одесса)

Из тёмных складов, пряный и густой,
Дурманит запах чая и корицы,
Где в ящиках, измазанных смолой,
Краснеет груз марсельской черепицы.
На площади, где блещет лёгкий день,
В кофейне у стеклянной галереи
Сошлись торговцы – греки и евреи,
Вкушать в тени полуденную лень¹⁸.

И контрастом современность – грязь, упадок, одиночество, безнадежность в любую пору года – и весной и осенью (*Когда улицы пусты, Осень, Осенняя дача, Нищая весна*).

¹⁵ С. Луцик при участии О.Барковской. Семен Кесельман. В кн. С. Кесельман. Стеклянные сны. Одесса, 2013, с. 211.

¹⁶ Там же, с. 212.

¹⁷ С. Кесельман, *Стеклянные сны*, сост., авт. с, коммент. С.З. Луцик, О.М. Барковская, Голубовский, А.Л. Яворская, Одесса, 2013.

¹⁸ Там же, с. 100.

Когда улицы пусты

Ефиму Зозуле

Люблю, когда плывут угары
По небу дымной пеленой
И опустевшие бульвары
Блистают сыростью ночной.
Мне страшно то, что нас так много,
Что всем близка моя весна,
Что каждый миг моя дорога
С чужой дорогой скрещена;
<...>

По улицам пустым и сизым
Брожу под тихою луной,
И тень, изломана карнизом,
Одна лишь гонится за мной¹⁹.

Осень

Дни в городе блестящи и бесплодны;
Кричит плакат пунцовый на стене.
Свой светлый нож, свой нож холодный
Вонзает осень в сердце мне²⁰.

Осенняя дача

Уехали и дверь закрыть забыли, –
Она скрипит и стонет на петле.
Здесь радостно смеялись, говорили, —
Теперь шуршат лишь листья по земле²¹.

В этом городе безрадостно в любое время года, в любое время суток, не может украсить его даже музыка (*Весна, Окно на запад, Тревожное утро, Вечерний город, Ночной город, Воскресенье, О грусть покинутых квартир..., Шарманка*)

Весна

Есть странный день, когда, тоской измучив,
Зима прошла, но нет еще весны.
Лазурней свод, но город сыр и скучен,
И грусть светлей – но комнаты темны²².

Ночной город

Ровные улицы, бледные стены;
Желтые бусы слепых фонарей;
Черные груды домов-привидений,
Безнадежность закрытых дверей...²³

¹⁹ С. Кесельман, *Стекланные сны...*, с. 81.

²⁰ Там же, с. 94.

²¹ Там же, с. 41.

²² Там же, с. 74.

Шарманка

Угрюмый двор, закопченные стены,
 Нескладной грудой свалены дрова;
 Вчера шел дождь – и в лужах мутной пены
 Дрожит далекой сказкой синева²⁴.

Любовь в этом городе призрачна, о ней можно лишь мечтать

Я жду

Я жду любви, как позднего трамвая,
 Гляжу во мглу до слёз, до боли глаз,
 Творя волшбу, чтоб точка огневая
 В конце пустынной улицы зажглась.
 Я жду. В душе – как Млечный путь в цистерне –
 Лишь отраженья зыблются одни,
 И грезится, что в сырости вечерней
 Уже скользят прозрачные огни²⁵.

И даже стремительная жизнь XX века, его бурное развитие, технические новшества не могут изменить печальную и тревожную картину.

Всю ночь, всю ночь, ликуя и звеня,
 Пронесются моторы по дороге.
 И ночь проходит в страхе и тревоге,
 Струя потоки пыли и огня.²⁶
 1914

Цитируемые выше стихи лирические, рукописи подписаны полным именем, но и в иронических стихах «Эскесса» то же одиночество и тоска. Она окружает повсюду – за письменным столом (Весенние стансы), в кафешантане, за окном.

Весенние стансы

Глядишь весь день в окно на серые фасады,
 На грязную панель с следами чьих-то ног, –
 А из души сатиры срочной яда
 Не выдавишь и на пятнадцать строк...
 Унылый дождь заткал пространство вязью,

²³ Там же, с. 59.

²⁴ Там же, с. 57.

²⁵ С. Кесельман, *Я жду, Шелковые фонари*, Одесса, 1914.

²⁶ С. Кесельман, *Стекланные сны...*, с. 96.

Прохожие бредут понуро, не спеша,
В грязи весь город, словно залит жидкой мазью,
И даже кажется, что липкой черной грязью
Забрызгана душа²⁷.

*В кафе-шантане
Посвящается Саше Черному*

Рыдает скрипка, точно пьяная старуха,
Гремит тромбон, рыгая и хрипя,
Пузатый барабан упорно, глухо
Бьет невпопад, и флейта врет, сипя.
А люстры потные над чадом ресторана
Качаются в волнах табачного тумана.
У стойки прикорнул поношенный лакей,
Белеет на плече промокшая салфетка,
А перед рампою, картавя, как еврей,
Кривляется «французская субретка»
И, обнажая плечи и лопатки,
Трясет ногой, как будто в лихорадке²⁸.

Вид из окна (В переулке)

Небеса, наверно, сини,
Но не мне их полюбить:
Закрывают их простыни,
Что повесила сушить
Прачка – толстая гусыня.
Под окном – аршинный сад,
В нем – горшки, остов селедки
Да березы две торчат
В крайнем градусе чахотки.

...

И теперь до часу дня
Ставни желтые скрывают
То оконце от меня,
А когда их открывают,
Вижу: девушка сидит,
Взгромоздясь на подоконник
И зевая, смотрит в сонник,
С нею рядышком лежит
Семиструнная гитара –
Дар кушца или гусара;
На лице – следы румян,
Возле глаз сеть синих жилок,
А на крышке фортепьян
Длинный ряд пустых бутылок²⁹.

²⁷ Крокодил. 1912. № 9, февраль.

²⁸ С. Кесельман, *Стеклоянные сны...*, с. 159.

²⁹ Там же, с. 187.

От пошлости и одиночества городской жизни спасает море. Море у Кесельмана противопоставлено городу (Вечерний город, В красном доме, Опять зима, опять узор оград...).

Вечерний город

Пылают за закатами закаты –
Кошмарный сон над городом больным.
Вся жизнь – как сон. Окутал лунный дым
Смятенных улиц яркие заплаты.

...

И город, на кресте страстей распятый,
Зовет к объятьям лживым и немым.
А мне бы к морю, – к пристаням каналов,
Где корабли, застывши у причалов,
Грустят, как я, – где сини небеса,
Где каждый миг звенит слезой разлуки,
Где подняли цветные паруса
В певучем беге стройные фелуки³⁰.
16 июня 1912

В красном доме

Я живу в высоком красном доме,
Где в грязных окнах выбиты стекла,
Красная стена облупилась и поблекла,
А внизу, в порту, шумно, как в Содоме.
Я не знаю, где родился, не помню, где вырос;
Соседи в красном доме грязны, пьяны и грубы, –
Но я люблю залива лазоревый вырез
И флаги пароходов, и их гулкие трубы...³¹

Стихи о городе есть за подписью и лирического «Кесельмана» и иронического «Эскесса». Стихи о море – только лирика, здесь может быть трагедия, но иронии не место (Гибель корабля, Ночная баллада, Барки, Корабельная песня, День и ночь, Летучий голландец, Атлантида, Из Турции).

Барки

1

Туманное утро; печальные барки в порту;
В туман от железных колец убегают канаты.
Качаются барки, белесою мглою объята,
И дрогнув, уходят в зеленую даль, в темноту³².

³⁰ Там же, с. 49.

³¹ Там же, с. 66.

³² Там же, с. 141.

Из Турции

<...>

Как шумен порт! Над ним, блестя, разлита
Лазурь небес. Числа нет парусам;
Цепь черных барок тащит по волнам
Груз арбузов – как груды малахита³³.

Гибель корабля

Вскипела пена млечной белизной,
На синем лоне вод; как зверь взбешенный
Корабль скрипел и рвался, окрыленный
Напевам моря внемлющей волной³⁴

Кесельман единственный из одесских поэтов описал оползни – характерное для Одессы явление, когда прибрежные строения, дачи, зачустую и часть улицы могли мгновенно сползти к морю.

Обвал

У моря, где по глинистым откосам
Разбросаны корявые дубки,
Где с мерзлой тиною смешаны пески
И серый мох взбегает по утесам,
Так дико и пустынно. Корабли
вдали без парусов обходят рифы,
И мнится – здесь, в расщелинах земли
Еще вчера хозяйничали скифы.
Здесь был обвал. Скатился горный ком,
Таща с собой разрушенные дачи,
Снес шалаши и бедный скарб рыбацкий,
К морской пучине бешено влеком³⁵.

Но все же наиболее известны два его стихотворения о святом Николае, написанные в 1913 и в 1917 годах. Некоторые из современников считали, что именно о первом из них «Прибой утих. Молите Бога...» похвально отозвался Александр Блок. Современники вспоминали, что Кесельман всегда носил с собой письмо Блока с отзывом на свои стихи.

По словам вдовы, в последние годы о своих стихах он отзывался пренебрежительно, отмахивался от них. Любил только одно – «Святой Николай»³⁶.

³³ Там же, с. 63.

³⁴ Там же, с. 214.

³⁵ Там же, с. 145.

³⁶ Там же, с. 21.

Святой Николай

Прибой утих. Молите Бога,
Чтоб был обилен наш улов,
Страшна и пениста дорога
По мутной зелени валов.
Печальны песни нашей воли,
Простор наш древен и велик,
Но нас хранит на зыбком поле
Прибитый к мачте тёмный лик.
Туманны утренние зори,
Плывёт сентябрь по облакам;
Какие сны на синем море
Приснятся тёмным рыбакам?
Грозна и гибельна стихия,
Но знает кормчий наш седой,
Что ходят по морю святые
И носят звёзды над водой³⁷.

Это стихотворение было опубликовано в 1913 г. в одесской газете «Южная мысль», а в 1916 г. – в «Новом Сатириконе». Через четыре года эпиграфом к стихотворению с таким же названием поэт взял строки из первого.

Святой Николай

*Знает кормчий наш седой,
Что ходят по морю святые
И носят звёзды над водой.*

С. К.

Где чудеса на синем море
Цветут, – не Твой ли светлый лик,
Среброволосый Чудотворец,
В тумане водит корабли?
Когда застынет над водой
Луны печальная икона,
Не Ты ли волн текучих склоны
Смиряешь тихою рукой?
В седом евангельском просторе
Разбросаны Твои суда,
Но над звенящей зыбью моря
Кочует древняя звезда;
Она плывёт в разрывах тучи, –
Старинный знак морским волхвам, –
И волнами ковчег скрипучий
К родным выносит берегам.

³⁷ Южная мысль: ил. прил. 1913.

И утром синим и туманным
 Рыбачий прозвучит псалом
 Тебе, с Господним фонарём
 Парящему над океаном³⁸.

Сегодня стихи Семёна Кесельмана доступны не только по цитатам в текстах других писателей, он занял достойное место в литературной истории Одессы, в рядах одесской юго-западной школы XX века.

Библиография

- Багрицкий Э. *Вечер Южного товарищества писателей*, «Известия», Одесса, 1923, 2 февр.
- Биск. А. Одесская Литературка. Дом князя Гагарина, выпуск 1, Одесса, 1997, с. 150. Биск цитирует стихотворение «Я жду»
- Зозуля Е. *Большие и малые (Портреты и шаржи)*, «Одесский понедельник», 1913, 19 августа
- Катаев В. *Алмазный мой венец*, Кишинев, 1986, с. 287-290.
- Кесельман С. *Стеклянные сны*, сост., авт. с, коммент. С.З. Лущик, О.М. Барковская, Е.М. Голубовский, А.Л. Яворская, Одесса, 2013.
- Лущик С. при участии О.Барковской. Семен Кесельман. В кн. С. Кесельман. *Стеклянные сны*, Одесса, 2013, с. 191-220.
- Лущик С.З. *Одесский «Крокодил»*, «Альманах библиофила», Москва, 1981, Вып. 10, с. 254-264.
- Одесский журнал «Крокодил» и его авторы: [статья], Одесский журнал «Крокодил» и его авторы: сборник / сост. Т. Щурова. – Одесса, 1998. 229-310.
- Олеша Ю. К. *Книга прощание*, Москва, 1999, с. 115. Неточная цитата из стихотворения «Святой Николай (Прибой утих, молитесь Бога...)
- Цагарелли Г. *Литературные заметки о четырнадцати*. «Иллюстрированное приложение к газете «Южная мысль», 1913, 13 марта.
- Чудо в пустыне: Одесские альманахи 1914-1917 годов, Дом князя Гагарина, выпуск 3, т. 1, Одесса, 2004, с. 166-236.
- Шишова З. *1917–1921 годы, Эдуард Багрицкий: Альманах под редакцией Влад. Нарбута*, Москва, 1936, с. 198.

Olena Jaworska

Odessa State Literature Museum

THE CITY AND THE SEA IN THE POETRY OF SEMYON KESSELMAN

Summary

Semen Keselman (pen name Eskess) is one of the writers of Odessa literary school 1920-th years whose name was forgotten for a long period of time. Yury Olesha (1929), Zinaida Shishova (1936), Alexandr Bisk (1947) mentioned the lines from his poetry. In 1977 Valentin Kataev de-

³⁸ Одесские новости. 1917. 25 декабря.

picted him in his book „My Diamond wreath”. Kataev named Keselman „eskess”, described his life in details and cited the lines of the most well-known poems „Winter engraving”, „Agnessa”, „Saint Nicholas”. After the novel was published Odessa researcher Sergei Luschik restored the biography of the writer and published the book of his poems „Glass dreams” (2013).

Semen Keselman was born in Odessa in 1899. He finished the fifth Odessa gymnasium with gold medal and graduated from New Russian University (the faculty of law). In gymnasium he started to write poems and to draw. His first manuscript is dated by 1914. His first poems were published in local newspaper „Odessa mail” (1911). In 1911-1912 he was a contributor of Odessa comic magazine „The Crocodile”. In 1914 Semen Keselman and Petr Pilskaa started the circle of young poets. Among the members of the circle were Eduard Bagrickij, Valentin Kataev, Anatolij Fioletov. In that year Keselman’s poems were published in two literary miscellanies „The Sun way” and „Silk lights”. During the Civil War the poet published his poems in next magazines: „he Southern Flicker”, „The Flickers”, „The Figaro”, „Melpomene”. He also participated in literatures evenings. In 1922 he stopped writing poems, explaining that the New Power doesn’t need his poems. He died in 1940.

His lyrical poems were signed „Eskess”. In lyrical and in ironic poems the city landscape plays an important role. He described the past of Odessa (side-street Red), and the present (Autumn country-side, The Spring, The night city, The barrel organ). He depicts two contrary images of the city: the past is joyful and bright, the present – slush, sadness, decay and despair. In his ironic poems (In caf shantan, The lyrical stanza, The view from the window – the same picture of vulgarity and sadness.

The Sea is opposite to the city. All the poems about the Sea are lyrical and signed „Keselman”. The contrast of the Sea and the city (The evening city, In red House), sea landscape, tragic destinies of the sailors (The Barks, The Ship’s song, The landslide). The most popular poems about the Sea are two poems of the same name „Saint Nicholas” (The serf got subsided, 1913 and Where the miracles on The Black Sea, 1917). Keselman was sure that they are the best.

Key words: Semen Keselman, Eskess, Valentin Kataev, Sergey Lushchik, the sea, the city, literary almanacs, lyrics, ironic poems, Saint Nicholas.

Ключевые слова: Семен Кесельман, Эскесс, Валентин Катаев, Сергей Лушчик, море, город, литературные альманахи, лирика, иронические стихи, Святой Николай.

АЛЕНА ЯВОРСКАЯ: заместитель директора Одесского литературного музея по научной работе. Тема исследований – литературная жизнь Одессы 1910-1930-х гг. Составитель, автор вступительной статьи и комментариев книг: С. Гехт «Избранное» (О, 2010), З. Шишова «Сильнее любви и смерти» (Феодосия-Москва, 2011), К. Паустовский. Время больших ожиданий: дневники, рассказы, письма (О, 2012), С. Гехт. «Пароход идет в Яффу и обратно» (М., 2016) составитель, автор вступительных статей книг «Влюбленный Валентин. Влюбленный в Валентину» (юношеские стихи В. Катаева и первая публикация писем Е. Петрова, О., 1998), «Где обрывается Россия: Художественно-документальное повествование о событиях в Одессе в 1918–1920 гг.» (О., 2003). Составитель книг стихов: В. Инбер «Цветы на асфальте» (О., 2000, совместно с Е.М. Голубовским), В. Бабаджан «Из творческого наследия» (в двух томах, О., 2004, совместно с С.З. Лушиком), «Кирсанов до Кирсанова» (О., 2007, совместно с Е.М. Голубовским), С. Кесельман «Стеклянные сны» (О., 2013, совместно с С.З. Лушиком, О.М. Барковской, Е.М. Голубовским). Автор комментариев книг: «И. Ильф. Путешествие в Одессу» (О., 2003), «Одесса в русской поэзии» (Москва, 2009). Автор статей об одесских художниках начала XX века в книгах «Фазини» (2008, Москва), «Одесские парижане» (2006, Рамат-Ган, Израиль). Публикации в научном сборнике музея «Дом князя Гагарина»: Михайло Жук – литератор (совместно с С. Лушиком), Одесский переводчик Р.М.Рильке (вып.1, 1997). Книги и авторы издательства «Омфалос» (вып. 2, 2001). Неосуществленная книга В. Бабаджана (Онуфрий

Чапенко. «Марсова дудка»); Материалы к биографии С. Гехта (вып. 3, 2004). Рукописи С. Кирсанова в фондах Одесского литературного музея (вып.4, 2007). Письма С/ Кирсанова в фондах ОЛМ; Письма А. Козачинского (вып. 5, 2009). «Дайте мені можливість працювати»: казки М. Жука; Рукописи И. Бабеля в фондах ОЛМ (вып.6, 2011); Українська Академія Мистецтва у спогадах М. Жука (совместно с О. Кошубой-Вольвач) (вып.7, 2016).